Наши новости — 27 февраля – 4 марта 2004 года

В ПРОКАТ **вышел новый фильм Бернардо Бертолуччи «Мечтатели»**, МАСТЕРСКИ СПЛАВИВШИЙ БОЛЬШОЙ СЕКС И БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ

РУБЕЖ

Передозировка

Борис ПАРАМОНОВ
Нью-Йорк

Мечтатели

FOTOBANK

Новый фильм Бертолуччи трудно назвать новым: настолько он воспроизводит все его прежние темы и приемы. Его следует скорее назвать итоговым.

Сам Бертолуччи в недавнем интервью объяснил замысел и задание фильма. Давно уже он хотел закончить свой эпос «1900» — описание XX века, века революций. Тот фильм был доведен до 1945 года. А потом, признается Бертолуччи, революция кончилась. Нет, не в 45-м, а в 1975 году, когда был убит друг и вдохновитель Бертолуччи, его «roommate» Паоло Пазолини.

Стоит напомнить, кто и почему убил Пазолини: его любовник-гомосексуалист, принадлежавший к уголовному миру. Вот необходимый нюанс той революции, которую все время держал в голове Бертолуччи, тему которой хотел сделать темой своей жизни.

Маркс, переписанный Фрейдом

Бертолуччи — человек, сильно похожий на гения, и значит, склонен к нестандартным решениям. Он понял, что революции происходят не на площадях, а в комнатах. Еще точнее — в спальнях. Вот это он и возвел в философию своего нового фильма. Но тема эта у него давно присутствует. Где происходит действие «Последнего танго в Париже»? Или предпоследнего его фильма «Осажденные»? В квартире, в замкнутом пространстве. Его героям не помогает даже выход на самый что ни на есть просторнейший пленэр — под африканское небо: дело все равно решается в стенах гарема. У раннего Бертолуччи есть прелестный фильм «Накануне революции»; там действительно что-то говорится об оной и даже, помнится, есть какие-то революционеры, но фильм о другом: как молодая и красивая тетушка мечтает соблазнить племянника-подростка. Революция, догадывается зритель, — это когда можно будет безнаказанно совокупляться, невзирая на степени родства (и даже пол).

В этой догадке суть, соль, резон Бертолуччиева искусства. Он действительно человек 60-х годов, когда передовым человечеством владела философия Герберта Маркузе, переписавшего Маркса Фрейдом. Буржуазия, эксплуататорские классы, писал Маркузе в этапной книге «Эрос и цивилизация», отчуждают прибавочную стоимость в основном не в денежной, а в сексуальной ее форме: пролетариат сидит на голодном эротическом пайке. Отсюда грядущая революция должна стать сексуальной — преодолеть нормы и запреты репрессивной буржуазной культуры. Что, собственно, и произошло. Пиком соответствующего движения стал Май 1968 года в Париже и Вудсток 1969 года в США, но с тех пор сексуальная революция стала поистине перманентной.

Один из приемов Бертолуччи в новой вещи — постоянные киноремининсценции: на экране то и дело появляются кадры из классики. Само действие фильма начинается в парижском просмотровом зале старых фильмов. Не забудем при этом, что время действия фильма — тот самый Май 68-го. Тем самым задана господствующая метафора: революция — это сон, мечта, греза. А таким грезам можно предаваться и не выходя на площади, что, собственно, и делают герои фильма: французские брат и сестра — близнецы и встреченный ими американский студент, такой же любитель кинокартинок.

«Когда начальство ушло»

Родители близнецов уезжают на вакации, предоставляя обширную парижскую квартиру в распоряжение своих половозрелых детей. Они немедленно приглашают поселиться у них студента-американца. Создается классическая ситуация, которую с полным правом можно назвать революционной: Василий Розанов так и назвал книгу о первой русской революции: «Когда начальство ушло» — учитель вышел из класса. Начинаются всякого рода сексуальные игры — метафора революции у Бертолуччи в полном соответствии с теорией Маркузе. Не нужно быть особенным знатоком кино, чтобы представить себе, с каким искусным умением Бертолуччи организует эти игры; рецензенты пишут, что «Последнее танго в Париже» — робкая проба пера в этом отношении. При этом все очень красиво, в чем и сказывается гений режиссера. Когда-то Мопассан говорил, что визуально половой акт или безобразен, или смешон. Бертолуччи этот предрассудок старых викторианцев блистательно опровергает.

Слов нет, приятно рассматривать гениталии молодых красивых людей, данные крупным планом. Но тут можно вспомнить старый критический фельетон Корнея Чуковского о модном писателе предреволюционных годов Анатолии Каменском: «У других писателей голая женщина — это голая женщина , а у Каменского — это голая женщина плюс антибуржуазная идеология». Когда-то над этим принято было смеяться. В наше время стало понятно, какая громадная культурфилософская и историческая тема заключена в этой самой голой женщине, да заодно и в мужчине.

> // Он понял, что **революции происходят не на площадях,** а в комнатах. Еще точнее — в спальнях //

Если уж мы вспомнили старых русских, то процитируем опять гениального Розанова: тайный мотив всех революций — это возвращение к природе. Этого ли не знать французам, у которых был мыслитель почище Розанова — Руссо. Революция всегда выпадение из истории, из культуры, из жизни. Это, повторяем, сон.

Выйдя однажды на улицу, Тео встречает коллегу-студента, ругающего его за оппортунизм — неучастие в революции, то есть в уличных маршах с обязательным битьем полицейских. Тео мог бы ответить, как Каренин на лошадиных состязаниях: мои скачки труднее. Например, по приказу сестры он мастурбирует на фотографию Марлен Дитрих — знаменитый кадр из «Голубого ангела», где она сидит на барабане в цилиндре. При этом сестра — девственница; мотив инцеста отсутствует, заменяясь чем-то большим — неразличением, тождественностью двух тел. Когда американец, соединившийся наконец с сестрой, в присутствии брата, разумеется, спрашивает ее: был ли Тео в тебе? — она отвечает, он всегда во мне.

Бертолуччи свел революцию к тому, чем она в мистической своей сущности и является: неразличением, самотождественностью коллективного тела, свальным грехом. Революция всегда замкнута на себе. Это сон человека о доисторическом прошлом, о рае, «празднике» Руссо — каковой праздник и пытались осуществить парижские студенты в пресловутом Мае. Все остальное в революциях — идеологическая мотивировка, реликт ложного сознания. Сознание вообще ложно. Правду знает бессознательное. Знает тело — голое тело.

Спасительные грехи

Нельзя, однако, сказать, что Бертолуччи окончательно сдал позиции и забыл о «настоящей» революции. Фильм кончается так: неожиданно вернувшиеся родители обнаруживают спящую в причудливых позах голую троицу и на цыпочках удаляются, выписав чек на дальнейшее существование деток. Проснувшаяся сестра видит чек и принимает радикальное решение: окончательно уйти из мира взрослых, с его чеками и правилами поведения. Она отвинчивает газовый вентиль, присоединяет к нему шланг и водружает это сооружение на ложе спящих. Сон должен перейти в смерть. Но тут и вторгается «настоящая» революция: в окно влетает камень, разбивший стекло, впустивший свежий воздух и заодно разбудивший сновидцев. «Какие сны приснятся в смертном сне?» Они выходят на улицу, и Тео берется швырять в полицейских пресловутый «молотовский коктейль». Этот выход «на свежий воздух» ироничен: отсроченная смерть. Полицейские переходят в наступление. Студенты разбегаются, и звучит мощный голос Эдит Пиаф «Я ни о чем не сожалею». На этом пении идут титры.

Фильм Бертолуччи оставляет неясное впечатление. Все как всегда блестяще — но вас не покидает ощущение уже виденного. Лично я все время вспоминал давний фильм Висконти «Семейный портрет в интерьере», откуда даже взят финал с газом.

Бертолуччи давно уже понял, какая революция действительно произошла в мире, и не раз уже делал фильмы об этом. Резон нынешнего сочинения — в прямом столкновении внешних исторических фактов с их глубинно-символическим содержанием. Художник как бы расставил точки над i. Вопрос возникает: а нужно ли что-то обязательно договаривать в искусстве?

Но Бертолуччи дал нам понять, что ни о чем не сожалеет. И тут он прав. Блажен, кто в двадцать франт и хват, а в тридцать выгодно женат. Нынешний фильм Бертолуччи — это работа женатого человека, силящегося вспомнить то ли грехи, то ли откровения молодости. **МН**